

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ. СОВРЕМЕННЫЙ ВЗГЛЯД

Методология науки: стратегия философского осмысления

«Революция относительности» и самосознание истории философии XX века*

О.А. Власова

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125

Оригинальная исследовательская статья

Аннотация

В статье анализируются особенности развития самосознания истории философии XX в. в сравнении с таковым в естественных науках. Предлагается авторский подход, в рамках которого этот этап философской историографии характеризуется как «революция относительности». Движение самосознания отмечает не только гуманитарные, но и естественные науки рубежа XIX–XX вв. Осознание вероятности – фундаментальное достижение неклассической физики, переворотившее ее мышление. В противоположность ньютоновской схеме, квантовая теория использует категорию вероятности и настаивает на том, что мы можем говорить о некоторых физических явлениях только в вероятностном модусе и что наблюдаемые свойства физических явлений зависят от того, посредством каких средств и процедур мы проводим измерения. Следовательно, всякое взаимодействие «объект-субъект», а тем более «субъект-субъект» вовлекает опыт исследователя, который влияет на получаемые результаты. Та же самая модель интерпретации лежит в основании поворота самосознания в истории философии XX в. Классическая история философии построена на идеализации и дает объективное описание философского процесса. Следуя за другими науками, философия XX в. начинает понимать, что историко-философская реальность во многом зависит от историков философии, что она конструируется определенными средствами, что есть историко-философская работа и при разных ее стратегиях, методах и подходах мы получаем разные результаты, которые начинают рассматриваться как дополнительные друг к другу. Время истории философии XX в. – время конкурирующих интерпретаций, а не постепенно прогрессирующих историко-философских систем. Это стимулирует поиски соб-

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (РНФ) «Антропологическое измерение истории философии», грант № 17-18-01440.

ственного идеала научности. Для философской историографии таковым становится герменевтический идеал структурного анализа текста или архитектурной реконструкции. Историко-философская революция относительности способствует развитию критической историографии, в рамках которой пересматриваются послы ее классической традиции.

Ключевые слова: история философии, философская историография, теория относительности, наблюдатель, историк философии, герменевтика, практика, интерпретация.

Власова Ольга Александровна – доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории философии Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.

o.a.vlasova@gmail.com

<https://orcid.org/0000-0003-4881-3652>

Цитирование: *Власова О.А.* (2018) «Революция относительности» и самосознание истории философии XX века // *Философские науки*. 2018. № 11. С. 114–125.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125

“The Revolution of Relativity” and Self-Consciousness in the History of Philosophy of the 20th Century*

O.A. Vlasova

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125

Original research paper

Summary

This paper discusses the development of self-consciousness in the history of philosophy of the 20th century compared with the same development in the natural sciences. The author characterizes this stage of philosophical historiography as the “revolution of relativity.” This movement of self-consciousness was apparent in not only the humanities but also the natural sciences at the turn of the 19th and 20th centuries. Awareness of probability is a fundamental achievement of non-classic physics, which has since reversed its paradigm. In contrast to the Newtonian scheme, quantum theory introduces the category of probability and insists that we can talk about certain physical phenomena only in a probabilistic mode and that the method of observation affects the phenomena observed. Consequently, any “object-subject” and “subject-subject” interaction involves the experience of the researcher, which thereby affects the results. The same model of interpretation lies at the basis of the turn toward self-consciousness in the history of philosophy of the 20th century. The classical history of philosophy is built on idealization and gives an objective description of the philosophical process. Following the other sciences, the philosophy of

* The study was carried out in the framework of the project of the Russian Science Foundation “Anthropological Dimension of the History of Philosophy,” grant no. 17-18-01440.

the 20th century understood that historical and philosophical reality largely depends on the historians of philosophy; that such reality is constructed by certain means; that there is a certain kind of historical and philosophical work; and that, with different strategies, methods and approaches, we obtain different results that are complementary to each other. The 20th century was a time of competing interpretations rather than gradually progressing historical and philosophical systems. This stimulated the search for own ideal of objectivity. For philosophical historiography, this is the hermeneutic ideal of the structural analysis of text or architectonic reconstruction. The historical-philosophical revolution of relativity promotes the development of critical historiography and revises the foundations of its classical tradition.

Keywords: history of philosophy, philosophical historiography, theory of relativity, observer, historian of philosophy, hermeneutics, practice, interpretation.

Olga Vlasova – D.Sc. in Philosophy, Professor, Department of History of Philosophy, Institute of Philosophy, Saint Petersburg State University.

o.a.vlasova@gmail.com.

<https://orcid.org/0000-0003-4881-3652>

Citation: Vlasova O.A. (2018) “The Revolution of Relativity” and Self-Consciousness in the History of Philosophy of the 20th Century. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. 2018. No. 11, pp. 114–125.

DOI: 10.30727/0235-1188-2018-11-114-125

Введение

История философии последнего века сменила множество образов, на ее задачи накладывает отпечаток направленность учения мыслителя. Отсюда многочисленные дискуссии о дисциплинарном статусе истории [Frede 1988; Morgan 1987 и др.], о ее отношениях к истории в целом и к интеллектуальной истории в частности [Kelley 1996; Schneider 1996; Frasca-Spada 1996; Makkreel 1990; Mandelbaum 1965; Hutton 2014 и др.], о жанрах истории философии и принципах историко-философской интерпретации в контексте проблем современной мысли [Normore 2006; Schmitz 1988; Popkin 1985; Mash 1987; Puntel 1991; Yolton, 1986 и др.]. «Одна из трудностей, с которыми сталкивается историк философии, состоит в том, что для него четко не определен его предмет, – пишет А. Айер. – Мало того, что доминирующий взгляд на его отношение к предмету других, в особенности естественных, наук слишком часто изменяется во времени, вдобавок различия в целях и методах тех, кто, как считается, занимается историей философии, в каждый конкретный период могут быть слишком велики» [Ayer 1982, 1]. «Основополагающей чертой философии XX в., независимо от направления, является нарастание ее самосознания, – продолжает он. – Философы начинают более ответственно относиться к целям своей деятельности и методам их достижения» [Ayer 1982, 14]. История философии не является исключением.

Почти полвека назад Марсиаль Геру констатировал: «История философии стала проблемой для философии совсем недавно» [Gueroult 1969, 563].

Сам он называет XX в. временем оформления проблемности: до этого история философии, прирастая как философская традиция, не становилась для самой (современной) философии зеркалом, но молчаливо покоилась в веках. К ней обращались по необходимости, привлекая отдельные фигуры, но не пробуждая ее целиком, как свое и иное актуальной мысли. Именно XX в. подарил нам возможность сказать, как А.Ф. Зотов: «Функция истории философии – это саморефлексия философии, т.е. реконструкция в философском сознании перемен, которые происходят с философией как особым организмом в составе культуры» [Зотов 2014, 331].

Каковы основные вехи историко-философских перемен, и какие новые возможности для историков философии они принесли? Почему, в конце концов, последнее столетие привело к тому, что невозможно не «мыслить иначе» в истории философии?

Зависимость исследования от наблюдателя: исходная модель самосознания

Движение самосознания отмечает не только гуманитарные, но и естественные науки рубежа XIX–XX вв. Это отнюдь не совпадение, неслучайно развитие самосознания в науке называют одним из аспектов научного переворота начала XX в. В физике этот тезис выражается в постулировании зависимости исследования от наблюдателя. «Мы не можем уйти от факта, что естествознание создано людьми, – говорит Вернер Гейзенберг. – Естествознание описывает и объясняет природу не просто так, как она есть “сама по себе”. Напротив, она есть часть взаимодействия между природой и нами самими. Естествознание описывает природу, которая отвечает на наши вопросы и подвергается нашим методам исследования» [Гейзенберг 1989, 43].

Определяя отличия между классической ньютоновской физикой и квантовой теорией и пытаясь обозначить основание переворота в физике начала XX в., Гейзенберг подчеркивает тот факт, что ньютоновская схема, которая дает нам объективную картину мира, построена на идеализации. «Можно сказать, что классическая физика дает именно идеализацию мира, с помощью которой можно говорить о мире или о его части, при этом не принимая во внимание нас самих. Ее успех привел к всеобщему идеалу объективного описания мира» [Гейзенберг 1989, 26], – разъясняет он. В противоположность этой схеме, квантовая теория использует категорию вероятности и настаивает на том, что мы можем говорить о некоторых физических явлениях только в вероятностном модусе и что наблюдаемые свойства физических явлений зависят от того, посредством каких средств и процедур мы проводим измерения.

Осознание вероятности, которому сопутствует осознание зависимости параметров и результатов наблюдения от наблюдателя, – фундаментальное достижение не-классической физики, перевернувшее ее мышление. На первый взгляд, оно связано с субъективацией науки, и физика это прекрасно осознает. «Прежде всего, это выглядит так, будто мы ввели субъективный элемент в теорию, будто мы говорим, что то, что происходит, зависит от того, как мы наблюдаем происходящее,

или по крайней мере зависит от самого факта, что мы наблюдаем происходящее» [Гейзенберг 1989, 23], – соглашается Гейзенберг. Однако интерпретация здесь выглядит по другому: мы должны осознавать, что физика имеет дело с физическими событиями, в которых устанавливает закономерности, и факт состоит в том, что «уже понятие “событие” должно быть ограничено наблюдением» [Гейзенберг 1989, 24], по отношению ко всему остальному мы можем говорить только в категории вероятности.

Итог мировоззренческого поворота корпускулярной теории хорошо формулирует Бор: «Неизбежное взаимодействие между объектами и измерительными приборами ставит абсолютный предел для возможности говорить о поведении атомных объектов как о чем-то независимом от средств наблюдения... Ни один результат опыта, касающегося явления, в принципе лежащего вне области классической физики, не может быть истолкован как дающий информацию о независимых свойствах объектов (свойствах объектов самих по себе). Более того, эти результаты внутренне связаны с определенной ситуацией, в описание которой столь же существенно, как и объект, входят и измерительные приборы, взаимодействующие с объектом» [Бор 1961, 42–43].

Формулировка Бора в другой работе еще более четка для интерпретации в свете развития истории философии: *«Поведение атомных объектов невозможно резко отграничить от их взаимодействия с измерительными приборами, фиксирующими условия, при которых происходят явления... Вследствие этого данные, полученные при разных условиях опыта, не могут быть охвачены одной-единственной картиной; эти данные должны скорее рассматриваться как дополнительные в том смысле, что только совокупность разных явлений может дать более полное представление о свойствах объекта»* [Бор 1961, 60–61].

В речи «Философия естествознания и культура народов» Бор подчеркивает фундаментальность открытий квантовой теории для понимания наблюдения в психологии и сущности психологического эксперимента, как и всех явлений, получение которых связано с взаимодействием с субъектом-исследователем. Всякое взаимодействие «объект-субъект», а тем более «субъект-субъект» вовлекает опыт исследователя, который влияет на получаемые результаты, и в этом случае мы должны осознавать, что действует тот же принцип дополнительности, что и в неклассической физике [Бор 1961, 44]. Бор подчеркивает, что осознание факта зависимости исследования от наблюдателя явилось фундаментальным открытием, показавшим ограниченность классической физики, и одновременно мощнейшим источником развития физической теории в XX в.

«Революция относительности» в историко-философской практике

Точно та же самая модель интерпретации лежит в основании поворота самосознания в истории философии XX в. Классическая история философии тоже построена на идеализации и именно поэтому дает объективное описание историко-философского процесса. Мы говорим здесь о развитии во времени философского знания, о географической

определенности, о разных школах и течениях. При этом мы мыслим постфактум, по сути, постфактум конструируя идеализированную объективную схему. Следуя за другими науками, а скорее даже в некоем общем движении, история философии XX в. начинает понимать, что историко-философская реальность во многом зависит от историков философии, что она конструируется определенными средствами, что есть определенного рода историко-философская работа и при разных ее стратегиях, при разных методах и подходах мы получаем разные результаты, которые начинают рассматриваться как дополнительные друг к другу. Время истории философии XX в. – время конкурирующих интерпретаций, а не постепенно прогрессирующих историко-философских систем.

Классический пример подобного понимания можно найти в предисловии к многотомной «Истории философии» Ф. Коплстона, где именитый автор подчеркивает: «Я понимаю, что, если речь заходит об истории философии, выражение “точка зрения” может вызвать некоторое недоумение, однако ни один настоящий историк не будет писать книгу, не имея своей собственной позиции, служащей ему точкой отсчета. Если же таковая отсутствует, то он должен применять какой-то другой принцип отбора материала, от которого зависит, какие события он захочет осветить и как будет их трактовать... Если же автор желает написать исторический труд, отказавшись вообще от какого-либо принципа отбора материала, то из-под его пера выйдет лишь голая хроника, а не историческое исследование, простое перечисление событий или взглядов, без понимания их связи и смысла... В случае с историком философии его собственные философские убеждения, безусловно, повлияют на то, какие именно факты он отберет для своей книги, или, по крайней мере, на то, какие факты и аспекты он особенно подчеркнет» [Коплстон 2003].

Несмотря на обращение к личностным аспектам историко-философской работы, следует признать, что сопутствующей субъективации истории философии не происходит. Полнос меняется не с объективного на субъективный, здесь как раз никаких изменений не происходит, но трансформируется взгляд, который теперь позволяет увидеть исходный момент истории философии: самого историка философии, его практику, его ситуацию. Благодаря этому становятся возможными те вопросы, которые ранее не ставились вовсе, становится возможным прогресс не в схемах (чем как раз и характеризовался XIX в. и начало XX в.), а в исследовательских подходах.

В истории философии «революция вероятности» происходит несколько позже физической и идет она гораздо более медленными темпами. Первым ударом по классической гегелевской схеме истории философии можно назвать так называемые методологические споры: дискуссии, захватившие социологов и психологов, историков и исследователей культуры. Для истории философии, тесно связанной со всеми этими областями (в особенности, конечно, с историей и филологией), спор об объективности методов и суждений был чрезвычайно

важен. На фоне этих споров были заложены основания герменевтической истории философии.

В истории философии, истории, филологии находит отражение в герменевтических спорах и осознание того, что всякое исследование исторического и культурного наследия человечества в обязательном порядке содержит примеси исследовательского взгляда. Платформа герменевтической традиции – исследование духа посредством обращения к его объективации в произведении и к его субъективации в душевной жизни, обращение к прошедшим этапам его развития в настоящем.

Так, с акцентированием фигуры историка философии как активной действующей силы, ставится вопрос о специфической объективности историко-философского-исследования. Показательно этот вопрос ставит Поль Рикёр, развивая послылы герменевтической традиции. Он убедительно показывает, что философ может быть уподоблен ученому-исследователю, задача которого – отражение объективного положения дел: философ выдает рефлексию современности. В глазах Рикёра никаких проблем с задачами философии как таковой и ее статусом по отношению к науке не возникает, совсем другое дело с историей философии. Историк философии не отражает реальность, его творческая работа направлена на воссоздание структуры предшествующего философского опыта и произведения, которое является его носителем. Объективность исследования здесь в объективности структуры, однако структура мысли историка философии не всегда точь-в-точь повторяет структуру мысли философа прошлого. Примесь субъективности – ее необходимый элемент. «Я считаю, – говорит Рикер, – что история философии и философия (или, как неосмотрительно говорят, общая философия) являются двумя отличающимися друг от друга философскими деятельностями. Если говорить об истории философии, то... я говорю об архитектурной реконструкции произведения... Мы ни в коей мере не искажаем изучаемое произведение, если, случается, мы создаем не то чтобы двойник произведения, что было бы бесполезным, а его подобие, то есть, в собственном смысле слова, его замену, обладающую той же самой структурой» [Рикер 1995, 252].

Эту дилемму герменевтической традиции хорошо отражает спор Х.-Г. Гадамера и Э. Бетти. Первый говорит нам о том, что в герменевтической традиции исследователь более или менее точно воссоздает душевный мир автора, второй – что автор всегда предстает перед исследователем как другой. Следствием разницы трактовок является разница в понимании объективности герменевтического исследования и техники работы. Для Гадамера объективность историко-философской и исторической реконструкции связана с воссозданием подобной структуры произведения и исторического события, прошлое в ней всегда осовременивается настоящим [Гадамер 1988, 163–229]. Бетти как можно бережнее стремится сохранить классическую историческую объективность, хотя и признает, что для гуманитарных наук объективность несет специфический смысл: «...картина истории обусловлена перспективой историка» [Бетти 2011, 58]. Он настаивает на том, что

герменевтика должна перейти от субъективации к объективации, к оценочной интерпретации всегда чужой и принципиально не присваиваемой творческой силы. Герменевтика есть диалог, а не монолог: «...интерпретатор должен удовлетвориться тем, чтобы постигнуть чужое мнение текста именно как чужое» [Бетти 2011, 97].

Герменевтическая традиция начинает говорить не только о практике объективного исследования, но и о личной практике историка философии и философа. «Как видим, герменевтика играет не только ту роль в науке, которая обсуждается, но и выступает как самосознание человека в современную эпоху науки... Великая подоплека традиции практической (и политической) философии, господствующей от Аристотеля до начала XIX столетия, – если рассмотреть ее философски – состоит в независимости того познавательного вклада, который относится к практике. Конкретное особенное оказывается здесь не только исходным пунктом, но и моментом, всегда определяющим содержание всеобщего» [Гадамер 1988, 621], – настаивает Гадамер.

Своего завершения практический поворот истории философии достигает в работах экзистенциально ориентированных мыслителей. Так, Карл Ясперс подчеркивает ведущую роль лично окрашенной коммуникации с философами прошлого для истории философии и настаивает на том, что только путем обращения личности к личности и в ходе собственной душевной историко-философской практики можно возвыситься до философской истины [Власова 2018]. Мартин Хайдеггер именно на основании наличия историко-философской практики разделяет мертвую историографию и живую историю философии. Первая при этом есть лишь объективная реконструкция, которая сама по себе ни в коем случае не способна даже и подобраться к мысли прошлого. Вторая же имеет дело с опытом со-мышления, с фактом философствования посредством историко-философского материала [Хайдеггер 2015, 26].

Если немецкая история и история философии стремятся освободиться от противоречия «психологизм – универсализм», разрываясь между реальностью индивидуального понимания и сущностного усмотрения всеобщего, то для французской истории философии и ее методологических поисков эта проблема приобретает «исторически ориентированный» оттенок. То, что происходит в историко-философской науке того времени и места, можно охарактеризовать как переход с позиции объективизма на позицию «радикального идеализма». Этот термин использует в своей дианозматике Марсиаль Геру, обозначая им тот подход, который позволяет подойти к развитию философии не со стороны учений, а со стороны философов, и который позволит одновременно осмыслить как изменчивость философских идей, так и вечность передаваемой в них философской истины. Как обозначает его позицию И.И. Блауберг, «нужно... исходить из конкретного факта – существования истории философии, а затем уже, в кантовском духе, переходить к выявлению условий ее возможности» [Блауберг 2008, 75].

Родоначальник философии истории философии XX в. Эмиль Брейе всячески подчеркивает тот факт, что «философ обращает свой взор на

мир духовных ценностей своего времени, утверждая, критикуя или трансформируя их. Там, где нет усиления иерархизации ценностей, нет и философии» [Brehier 1938, 11]. Посему философия в разные эпохи может принимать облик науки или искусства, политики или морализаторства, соответственно разные образы может принимать и ее последующее исследование: психологии или истории, истории науки или истории искусств. Однако в понимании Брейе, выражение «история философии» не отражает простую сумму слагаемых: история философии не есть ни история, ни философия. Историки имеют дело с прошлым, которое не возвращается, прошлое же философии имеет особую силу: философия не только возвращает, но и трансформирует его.

Вопрос о том, «что делает историк философии?», и интересует Э. Брейе и Л. Брауна, М. Геру и Ф. Алкье. Именно вокруг этого вопроса разворачивается полемика последних о подходе к философии Декарта. Каждый отвечает на этот вопрос по-разному: Брейе говорит о продолжении движения, в бергсоновском духе толкует о развитии интуиции философа [Брейе 2012], Геру стремится следовать букве Картезия, указывая на логическое, ориентирующееся на достоверность суждений развертывание мысли [Кротов 2018].

Проблема точности реконструкции становится центральной в историко-философских дискуссиях англо-саксонской философии, вращающихся вокруг вопроса о степени допустимой конструктивности в интерпретации историка философии. Проблема того, является ли историк философии самостоятельным, или конструктивным, мыслителем, отлично поставленная Ричардом Рорти, двигает обсуждение статуса истории философии в ряду других дисциплин.

Рорти переходит от историко-философского процесса к деятельности историка философии, его подходу, который и обуславливает специфику получившейся на выходе историко-философской реконструкции. Он предпочитает относиться к истории философии не как к чему-то ставшему и погребенному в веках, а как к деятельности по трансформации мысли прошлого. Рорти убежден, что без этой трансформации история философии невозможна: в той или иной степени она присутствует во всех ее жанрах, поскольку для него она – прежде всего интерпретирующая реконструкция. «Отказ от такой реконструкции, – пишет Рорти в самом начале статьи, – означал бы для аналитиков умаление истории философии, передачу ее в полное ведение профессиональных историков – людей, которых они считают скорее доксографами, нежели искателями философской истины» [Рорти 2017, 49].

В обращении к философу прошлого историк философии просто-напросто не может очистить свое сознание настолько, чтобы видеть только ушедшее и проникнуть в чужую мысль. Его сознание всегда несет примеси социально-исторической ситуации, а еще больше – движимо той конструктивной задачей, ради которой он обращается к конкретной мысли. По Рорти, историк философии работает по большей части не на прошлое, а на настоящее: он находится в своей эпохе и свободен от прошлого, он должен оригинально интерпретировать его. Именно так функционирует историко-философское знание: по-

средством конструктивной переинтерпретации прошлого. И. Джохадзе оценивает подобную позицию следующим образом: «По сути, здесь мы имеем дело не с *re*-конструкцией (будь то исторической или радиональной), а с *de*-конструкцией философской мысли. Это такая история философии, которая камня на камне не оставляет от своего титульного предмета, полностью выхолащивая и обесценивая (в конце концов списывая в литературный архив) ту самую философию, “историей которой себя называет”» [Джохадзе 2012, 19–20].

Заключение

Заметно, что историко-философская революция относительности способствует развитию критической историографии, в рамках которой не столько развиваются, сколько пересматриваются посылы ее классической традиции. Если классическая философская историография (XVIII–XIX вв.) строится на стремлении к объективности, разделяемом всеми науками, то XX в. приносит ей понимание того, что одной объективностью она ограничиваться не может. Сами естественные науки проходят этап осознания относительности, а кроме того философия понимает, что не сможет конкурировать с ними в объективном познании, и это стимулирует поиски ее собственного идеала научности. Для философской историографии таковым становится герменевтический идеал структурного анализа текста, или, как характеризует его Рикёр, архитектурной реконструкции. В нем стремление к объективности соседствует с осознанием зависимости исследования от историка философии, признание авторского характера практики. Самосознание истории философии, выраженное как философская историография, проходит общий для всех наук путь.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Бетти 2011 – *Бетти Э.* Герменевтика как общая методология наук о духе / пер. Е.В. Борисова. – М.: Канон+, 2011.
- Блауберг 2008 – *Блауберг И.И.* Э. Брейе и М. Геру: два подхода к истории философии // История философии. 2008. № 13. С. 69–88.
- Бор 1961 – *Бор Н.* Атомная физика и человеческое познание / пер. В.А. Фока и А.В. Лермонтовой. – М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1961.
- Брейе 2012 – *Брейе Э.* Как я понимаю историю философии // Философия Плотина / пер. А.С. Гаголина. – СПб.: Владимир Даль, 2012. С. 277–288.
- Власова 2018 – *Власова О.А.* Карл Ясперс: путь философа. – СПб.: Владимир Даль, 2018.
- Гадамер 1988 – *Гадамер Х.-Г.* Истина и метод. Основы философской герменевтики / пер. под ред. Б.Н. Бессонова. – М.: Прогресс, 1988. С. 163–229.
- Гейзенберг 1989 – *Гейзенберг В.* Физика и философия. Часть и целое / пер. И.А. Акчурина, Э.П. Андреева. – М.: Наука, 1989.
- Джохадзе 2012 – *Джохадзе И.Д.* Ричард Рорти как историк философии // История философии. 2012. № 17. С. 3–24.
- Зотов 2014 – *Зотов А.Ф.* История философии в поисках ответа на вызовы XXI века // История философии: вызовы XXI века / под ред. Н.В. Мотрошиловой. – М.: Канон+; РООИ «Реабилитация», 2014. – С. 331–340.
- Коплстон Ф. 2003 – *Коплстон Ф.* История философии. Древняя Греция и Рим. Том I / пер. Ю.А. Алакина. – М.: Центрполиграф, 2003.

Кротов 2018 – *Кротов А.А.* Философия истории философии во Франции (проблема закономерностей в развитии интеллектуальной культуры). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2018.

Рикёр 1995 – *Рикёр П.* Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике / пер. И. Сергеевой. – М.: Academia-Центр, Медиум, 1995.

Рорти 2017 – *Рорти Р.* Историография философии: четыре жанра / пер. И. Джохадзе. – М.: Канон+, РООИ «Реабилитация», 2017.

Хайдеггер 2012 – *Хайдеггер М.* Парменид / пер. А.П. Шурбелева. – СПб.: Владимир Даль, 2012.

Хайдеггер 2015 – *Хайдеггер М.* Гегель / пер. А.П. Шурбелева. – СПб.: Владимир Даль, 2015.

Ayer 1982 – *Ayer A.J.* *Philosophy in the Twentieth Century.* – L.: Weidenfeld and Nicolson, 1982.

Brehier 1938 – *Brehier E.* *Histoire de la philosophie.* T. I. L'antiquité et la moyen age. – Paris: Félix Alcan, 1938. P. 2–37.

Frasca-Spada 1996 – *Frasca-Spada M.* Notes on Intellectual History, History of Philosophy, and History of Ideas // *Intellectual News.* 1996. Vol. 1. No. 1. P. 30–31.

Frede 1988 – *Frede M.* The History of Philosophy as a Discipline // *The Journal of Philosophy.* 1988. Vol. 85. No. 11. P. 666–672.

Gueroult 1969 – *Gueroult M.* The History of Philosophy as a Philosophical Problem // *The Monist.* 1969. Vol. 53. No. 4. P. 563–587.

Hutton 2014 – *Hutton S.* Intellectual History and the History of Philosophy // *History of European Ideas.* 2014. Vol. 40. No. 7. P. 925–937

Kelley 1996 – *Kelley D.R.* What is Happening to the History of Ideas? // *Intellectual News.* 1996. Vol. 1. No. 1. P. 36–50.

Makkreel 1990 – *Makkreel R.A.* Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy // *New Literary History.* 1990. Vol. 21. No. 4. P. 977–991.

Mandelbaum 1965 – *Mandelbaum M.* The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy // *History and Theory.* 1965. Vol. 5. No. 5: The Historiography of the History of Philosophy. P. 33–66.

Mash 1987 – *Mash R.* How Important for Philosophers is the History of Philosophy? // *History and Theory.* 1987. Vol. 26. No. 3. P. 287–299.

Morgan 1987 – *Morgan M.L.* The Goals and Methods of the History of Philosophy // *The Review of Metaphysics.* 1987. Vol. 40. No. 4. P. 717–732.

Normore 2006 – *Normore C.G.* What is to Be Done in the History of Philosophy // *Topoi.* 2006. Vol. 25. P. 75–82.

Popkin 1985 – *Popkin R.* Philosophy and the History of Philosophy // *The Journal of Philosophy.* 1985. Vol. 82. No. 11. P. 625–632.

Puntel 1991 – *Puntel L.* The History of Philosophy in Contemporary Philosophy: The View from Germany // *Topoi.* 1991. Vol. 10. P. 147–153.

Schmitz 1988 – *Schmitz K.L.* The History of Philosophy as Actual Philosophy // *The Journal of Philosophy.* 1988. Vol. 85. No. 11. P. 673–674.

Schneider 1996 – *Schneider U.J.* Intellectual History and the History of Philosophy // *Intellectual News.* 1996. Vol. 1. No. 1. P. 28–30.

Yolton 1986 – *Yolton J.W.* Is There a History of Philosophy? Some Difficulties and Suggestions // *Synthese.* 1986. Vol. 67. No. 1. P. 3–21.

REFERENCES

Ayer A.J. (1982) *Philosophy in the Twentieth Century.* London: Weidenfeld and Nicolson.

Betti E. (2011) *Hermeneutics as the General Methodology of the Geisteswissenschaften* Moscow: Kanon + (Russian translation).

Blauberger I.I. (2008) E. Brehier and M. Gueroult: Two Approaches to History of Philosophy. *Istoria Filosofii = History of Philosophy.* Vol. 13, pp. 69–88 (in Russian).

Bohr N. (1961) *Atomic Physics and Human Knowledge.* Moscow: Foreign Literature Pub. (Russian translation).

- Brehier E. (2012) Comment je comprends l'histoire de la philosophie. *La philosophie de Plotin* (pp. 277–288). St. Petersburg: Vladimir Dal (Russian translation).
- Brehier E. (1938) *Histoire de la philosophie. T. I. L'antiquité et la moyen age*. Paris: Félix Alcan.
- Copleston F. (2003) *History of Philosophy. Vol. 1: Greece and Rome*. Moscow: Tsenpolygraph (Russian translation).
- Dzhokhadze I.D. (2012) Richard Rorty as Historian of Philosophy. *History of Philosophy*. Vol. 17, pp. 3–24 (in Russian).
- Frasca-Spada M. (1996) Notes on Intellectual History, History of Philosophy, and History of Ideas. *Intellectual News*. Vol. 1, no. 1, pp. 30–31. doi: 10.1080/15615324.1996.10432169
- Frede M. (1988) The History of Philosophy as a Discipline. *The Journal of Philosophy*. Vol. 85, no. 11, pp. 666–672. doi: 10.5840/jphil1988851114
- Gadamer H.-G. (1988) *Truth and Method*. Moscow: Progress (Russian translation).
- Gueroult M. (1969) The History of Philosophy as A Philosophical Problem. *The Monist*. Vol. 53, no. 4, pp. 563–587. doi: 10.5840/monist196953438
- Heidegger M. (2012) *Parmenides*. St. Petersburg: Vladimir Dal (Russian translation).
- Heidegger M. (2015) *Hegel*. St. Petersburg: Vladimir Dal (Russian translation).
- Heisenberg W. (1989) *Physics and Philosophy. The Revolution in Modern Science*. Moscow: Nauka (Russian translation).
- Hutton S. (2014) Intellectual History and the History of Philosophy. *History of European Ideas*. Vol. 40, no. 7, pp. 925–937. doi: 10.1080/01916599.2014.882054
- Kelley D.R. (1996) What is Happening to the History of Ideas? *Intellectual News*. Vol. 1, no. 1, pp. 36–50. doi: 10.2307/2709744
- Krotov A.A. (2018) Philosophy of History of Philosophy in France (Problem of Regularities in the Development of Intellectual Culture). Moscow: Moscow University Pub. (in Russian).
- Makkreel R.A. (1990) Traditional Historicism, Contemporary Interpretations of Historicity, and the History of Philosophy. *New Literary History*. Vol. 21, no. 4, pp. 977–991. doi: 10.2307/469195
- Mandelbaum M. (1965) The History of Ideas, Intellectual History, and the History of Philosophy. *History and Theory*. Vol. 5, no. 5, pp. 33–66. doi: 10.2307/2504118
- Mash R. (1987) How Important for Philosophers is the History of Philosophy? *History and Theory*. Vol. 26, no. 3, pp. 287–299. doi: 10.2307/2505064
- Morgan M.L. (1987) The Goals and Methods of the History of Philosophy. *The Review of Metaphysics*. Vol. 40, no. 4, pp. 717–732.
- Normore C.G. (2006) What is to be Done in the History of Philosophy. *Topoi*. Vol. 25, pp. 75–82. doi: 10.1007/s11245-006-0012-3
- Popkin R. (1985) Philosophy and the History of Philosophy. *The Journal of Philosophy*. Vol. 82, no. 11, pp. 625–632. doi: 10.2307/2026418
- Puntel L. (1991) The History of Philosophy in Contemporary Philosophy: The View from Germany. *Topoi*. Vol. 10, pp. 147–153. doi: 10.1007/BF00141335
- Ricœur P. (1995) *Conflict of Interpretations. Essays in Hermeneutics*. Moscow: Academia-Center; Medium (Russian translation).
- Rorty R. (2017) *Historiography of Philosophy: Four Genres*. Moscow: Kanon +; ROOI Rehabilitation (Russian translation).
- Schmitz K.L. (1988) The History of Philosophy as Actual Philosophy. *The Journal of Philosophy*. Vol. 85, no. 11, pp. 673–674. doi: 10.5840/jphil1988851115
- Schneider U.J. (1996) Intellectual History and the History of Philosophy. *Intellectual News*. Vol. 1, no. 1, pp. 28–30. doi: 10.1080/15615324.1996.10432168
- Vlasova O.A. (2018) *Karl Jaspers: The Philosopher's Way*. St. Petersburg: Vladimir Dal (in Russian).
- Yolton J.W. (1986) Is There a History of Philosophy? Some Difficulties and Suggestions. *Synthese*. Vol. 67, no. 1, pp. 3–21. doi: 10.1007/BF00485506
- Zotov A.F. (2014) The History of Philosophy and The Challenges of the 21st Century. In: Motroszilova N.V. (Ed.) *History of Philosophy: Challenges of the 21st Century* (pp. 331–340). Moscow: Kanon +; ROOI Rehabilitation (in Russian).